

МАША, ОЧНИСЬ!
МАРИЯ РУСАНОВА

Мария Русанова

Маша, очнись!

«Автор»

2024

Русанова М.

Маша, очнись! / М. Русанова — «Автор», 2024

«Маша, очнись!» — современная российская проза о взрослении девочки, рожденной в двухтысячных.

© Русанова М., 2024

© Автор, 2024

Содержание

Начальная школа	5
Как же все это началось, Маша?	5
Мама и ритуалы	6
Играй форте, играй пиано	7
Ты кто такая?	8
Лес	10
Закрывать рот и перестать считать листья	11
Как я ждала тихий, но искренний танец	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Мария Русанова

Маша, очнись!

Начальная школа

Как же все это началось, Маша?

1 класс, 1 сентября, утро

На первое сентября мы, конечно, опоздали. Мама, зажмурившись, малевала глаза тенями образца 2008 года: сами понимаете, три раза смыть, а в четвертый сорвать куш и все же позволить нам выйти из дома.

Через десять минут мы уже прорывались сквозь толпу родителей, но расходились они нехотя: когда дело касается твоего ребенка, ни одна опоздавшая клуша со своим отпрыском не должна помешать празднику. А что если клуша – моя мама, а отпрыск – первоклашка я?

Я всегда верила в людей и их великие душевные порывы. Но уже тогда я подумала: «Какие-то они жестокие».

Мы стыдливо побежали по ступенькам (а все смотрели на нас!), стыдливо обогнули зубастую директрису и попытались найти мне пару, чтобы потом мальковой вереницей гордо сойти по тем же ступенькам.

Школьные праздники – такой атавизм: зачем-то бежишь наверх, чтобы потом гордо прийти туда же.

Пары мне не нашлось.

«Ирина Валерьевна, ну можно нам хоть кого-то?», – взмолилась мама, криво улыбнувшись классной руководительнице. Ирина Валерьевна подтащила меня к себе, крепко ухватила за запястье, и мы пошли.

Виню ли я маму за то, что происходило следующие годы? Наверное, нет.

Но иногда я думаю: «А что если бы мы все-таки не опоздали и я встала в пару?»

Мама и ритуалы

1 класс, 1 сентября, день

На каждый праздник мама покупала торт «Прага»: мама любила ритуалы и любила, когда все ей заранее было известно. Она просила ноты у руководителя еще когда нот не было ни у кого из оркестра, чтобы заранее все знать и не сфальшивить, не показаться глупой. Мама мыла голову только яичным шампунем, брала только девятипроцентный творог на завтрак и ни процентом меньше. Но я поняла, что со мной так не надо: не надо про меня все заранее знать.

После развода родителей я решила, что контролировать буду себя сама. Не уверена, что мама поняла это, но мама точно знала: я справлюсь.

Меня оскорбляло, когда мама проверяла у меня пересказ книги или просила показать сделанные прописи: что она, не верит мне? Сама знает: я все сделаю, все выучу. Пусть просто любит меня, у нее и так забот много.

И в этот день мама принесла «Прагу», мне налила сок, себе – минералки в винный бокал. Когда папа ушел, мама перестала пить алкоголь даже по праздникам: не потому что папа был алкоголиком, а потому что мама не хотела о нем вспоминать – даже через ее любимое и их традиционное красное.

«Школа – один из самых классных периодов в твоей жизни, – говорила мама, – это как играть скерцо – не заметишь, как пальцы по клавишам пробегут. А там аплодисменты, ты на сцене, на тебя смотрит Бог и думает: как ты поступала все эти годы и куда тебя теперь отправить»

Я жевала торт, запивала соком. Было слишком сладко, но я заслушалась маму и подумала: «Скерцо мы уже играли. Но разучивать его так долго!»

Тут я поняла, что мама уже несколько раз позвала к пианино – это был наш вечерний ритуал, который я любила и потому позволяла проводить.

Мама села на табуретку и похлопала по креслу рядом.

Играй форте, играй пиано

1 класс, 1 сентября, вечер

После развода родителей мама забрала меня из музыкалки, потому что некому было меня отводить, и я была даже рада. Старенькая музичка Зоя Ивановна все время говорила держать руку «яблочком» и запрещала манерно двигать кистями: я поднимала руки локтями к небу, когда старалась передать все свои чувства. Чувства Зое Ивановне крайне не нравились, зато мама их во мне ценила больше всего на свете.

После торта мама сказала: «Ты теперь взрослая. Почему бы нам с тобой не сыграть пьесу, которую играют в четвертом классе?».

Так мы стали разучивать пьесу про мышей. Гордости было – до небес: я теперь взрослая, я для четвертого класса теперь.

«Вот тут мышки крадутся, – учила мама, – а вот ту-у-ут! Их догнала кошка, и они побежали врассыпную. Сначала играем пиано, а потом как сделаем форте!»

Затем наступала другая часть, без мышей, и мы представляли парня и девушку, которые ужасно стеснялись потанцевать друг с другом, но парень осмелился позвать девушку, и у них получился тихий, но искренний танец. Моей левой рукой мыши наблюдали за танцем, пока за ними вновь не погналась кошка.

Я думала: «И меня ведь когда-нибудь позовут на танец?»

Мама угадывала мои мысли и отвечала: «Конечно, тебя позовут. Смотри какая ты хорошая. Доброту и умение ощущать, как у тебя, люди ценят».

Мы улыбались друг другу. Пьеса про мышек была нашей тайной: маме по вечерам надо было репетировать, но мы называли себя хулиганками и все равно разучивали мои пьесы.

Ты кто такая?

1 класс, 2 сентября

Я всегда не любила рано вставать. Выглянешь в окно – а там люди в тараканов превратились: черные, лапками шевелят, усиками дергают и ползут, куда на самом деле не хотят. Столько в этом безнадежности.

Но 2 сентября я подскочила в полседьмого – раньше мамы, а такого никогда не было. Дергались мышцы на предплечьях, внутри все дребезжало. Мой первый настоящий взрослый день.

Я подергала маму за плечо, она что-то мякнула, и я пошла ва-банк – решила сама заварить ей чаю со вчерашней «Прагой». Пока я делала чай, кипятик капнул на мизинец, и я чуть не выронила чайник, но вспомнила: я мамина защитница, больше никому о ней позаботиться.

Будить маму решила как мама – погладила маму по щеке и сказала: «Кисонька, а там чай стынет»

Мама подскочила и что-то пробормотала про маму: я поняла, что это она про бабушку, которая теперь была на небе. В день смерти бабушки я, пятилетняя, смотрела на голубой, ясный верх и представляла себе тени, которые по загадочным и невыносимо грустным причинам не могут вернуться и рассказать, как им теперь живется Там.

Тут мама быстро сообразила, спрятала в себя полусон, взяла меня за руку и улыбнулась.

Мама хвалила меня и быстро хлебала желтый чай, который спустя десять лет, улыбаясь, назовет «мочой молодого осленка». Съела чуть засохший кусок торта, и мы стали собираться.

На улице начало холодать, и мама одела меня в куртку. Пока мы шли к школе, я сорвала желтый листочек и положила на заборчик у подъезда: каждый год я так хоронила лето.

«Лето-лето, жду тебя в либретто», – говорила про себя я.

У школы мама сказала: «Маша, тебе надо себя зарекомендовать, чтобы все знали: ты своя».

В школе дрожь не унималась. В кулере не было стаканчиков, и я решила успокоить себя привычным способом – сесть и сыграть какую-нибудь пьеску на коленях.

Музыка растекалась по рукам и выливалась через пальцы. Вдруг на нее, как муха, прилетел мальчик.

Он отличался от других: вместо зеленой школьной формы носил темно-синий костюм и выглядел изможденно. Он хотел что-то сказать, но тут запиликал его темно-синий, аж с открывашкой, телефон.

«Мам, да я тут по-королевски», – развязно перебил он воркование в телефоне. Разве так можно с мамами?

Потом мальчик с щелчком закрыл телефон, и я вспомнила блондинку в розовом по телевизору, которая делала так же. «Гламурщина», – всегда говорила мама, но смотреть не переставала.

«Ты кто такая? Тебя не было на подготовке к школе», – сказал мальчик.

«Так меня мама...» – начала лепетать я, но он перебил. Видимо, он со всеми так делал.

«Кто твоя мама?» – спросил мальчик.

«Она играет в оркестре – лучшем в Москве. На пианино», – моя гордость перебила волнение, и я уже думала, что первый школьный разговор получится отличным.

«Чему тебя твоя мама научит? Бренчать? На уроках мы таким не занимаемся. Ты про парные согласные что-то слышала?» – он стал язвить.

«Мальчик, я сама все учу, а к мамам с уважением надо!» – я попробовала съязвить в ответ.

«Я не просто мальчик, я Паша. А ты будешь самой глупенькой у нас в классе и вообще никого тут не знаешь. Я закончил», – Паша хлопнул ладонями у меня перед носом, толкнул в плечо и ушел.

Тут во мне что-то сорвалось. Я вышла из класса, дрожащими губами пыталась у всех спросить, где туалет, но никто меня не понимал. Все поджимали подбородок к шее, поднимали брови и уходили. Туалет я нашла сама и там разревелась.

«У тебя что случилось? Ты ударилась?» – в туалет зашла чья-то учительница.

«Я слишком много чувствую», – ответила я.

Тогда учительница посмотрела на меня пару секунд, тоже подняла брови и ушла.

Первый настоящий взрослый день полетел в тартарары, и казалось, что теперь назад дороги не было.

Лес

1 класс, 2 сентября, вечер

Попасть в Лес я могла пока только из дома, пока мама готовила: для этого надо было лечь, закрыть глаза, посчитать вдохи и выдохи примерно минуту, и Лес приходил.

Обычно он щекотал щеки, смеялся, тыкал ветками в живот, но сегодня все понял и показал мою любимую поляну с озером. Признаться, эту поляну я взяла из Владыкинского ботанического сада, но переделала ее под себя: убрала людей и зажгла вечно теплое майское солнце.

Я легла на землю, как всегда, понюхала почву. Укрылась мховым одеялом, закрыла глаза во второй раз – уже в другой реальности – и молча лежала так с час. Солнце прыгало с одного века на другой: это значило, что наверху летали птички. Я слышала их песни – через клювики играл Моцарт. Я стала подпевать в ответ. Лес старался развеселить меня, и у него это получалось.

Отдохнув, я встала. Рядом ждало мое любимое дерево. Оно явно было больным, с наростами, и я даже не знала его названия, но каждый раз воровато оглядывалась, хоть людей и не было, подбегала и целовала его щеками, лбом, веками и животом, распластав руки. Дерево пульсировало в ответ, но я не брала слишком много: не хотела высосать из него все силы, а ведь дерево ответить не могло, потому нужно было вовремя останавливаться и уходить.

Вдали уже ждала знакомая фигура – конечно, папа. Он светился и вместе с солнцем грел меня, сидел спиной ко мне на корточках, пальцами растирал лопух и носом слушал его. Я рванула к нему, запрыгнула на спину и засмеялась. Папа поднялся, я обняла его шею руками, и мы пошли к выходу из Леса.

Я редко видела его лицо – даже когда мы прощались. Он бережно отпускал руки, я спрыгивала и сразу старалась разглядеть его глаза, но у меня не получалось: он сразу обнимал меня, и я пыталась слушать, что у него играло в груди, но никогда не могла расслышать.

Потом папа распадался на золотые кусочки, они улетали наверх, и я открывала глаза. С полки на меня смотрела Богородица с младенцем.

«А я сегодня тоже была как младенец – на ручках», – хвасталась, улыбаясь, я. Богородица улыбалась в ответ и показывала глазами на коридор. Пора было к пианино.

Наш «Красный октябрь» мы забрали из большой, с остатками былой роскоши квартиры и перевезли в нашу бибиревскую двушку. Но «Красный октябрь» был неприхотлив и сразу впустил меня к себе.

Он пах старым деревом, давал заглянуть внутрь себя, раскрыв ладони: я весь перед тобой. Играй на мне, ты славная.

Не знаю, как мне это давалось, может, и он мне подсобил, но импровизировать я умела с детства. Просто начинала с правой руки, потом подключала левую.

Эту музыку я посвящала Лесу. Тут чирикали птички, тут колыхался иван-да-марья.

Тут молча стоял папа.

Закреть рот и перестать считать листья

1 класс, где-то начало года

Математику я на удивление любила: ни о чем не думаешь и складываешь себе два плюс три. Иногда, конечно, пять плюс семь, но это пустяки.

Я быстро поднимала руку, быстро отвечала и особо не размышляла о том, кто там вокруг меня. После разборок с этим Пашей мне расхотелось с кем-то общаться. Только стало труднее дышать, и класс как будто виделся через пыльное стекло, но нутром я понимала: это плата за мое невнимание к миру.

Тут сбоку я увидела розовую ручку с фиолетовыми перышками, на которую долго смотрела в книжном, но мама не взяла: дорого. За ручкой показалась рука с розовым маникюром, вылезавшим с ногтей на пальцы. Маникюр вообще-то у нас был запрещен. По руке я поднялась к плечу, шее и тут увидела соседку по парте – девочку, совершенную блондинку с жидкими волосами, которая как-то неодобрительно на меня смотрела.

«Зубрила», – оскалилась девочка и закатила глаза.

Ирина Валерьевна что-то уверенно сказала, и все открыли учебник на странице с деревом. Я быстренько подглядела страницу у девочки, пока она не отодвинула учебник, и увидела дерево целиком. Дерево не было похоже на мое: яркое, плоское – одним словом, все у него было не то.

«Сколько листьев на дереве?» – спросила Ирина Валерьевна. Листьев было – до жути. Один листочек, второй, третий...

Тут девочка подняла руку, и я застыла. Как она успела?

«Много», – угодливо улыбаясь, сказала Настя.

«Правильно, Настя, молодец!» – ответила Ирина Валерьевна, и все стали смотреть в учебнике на лягушку в окружении пяти (я быстро сосчитала) комаров, но мне было не до того.

Мы с Настей долго смотрели друг на друга. Настя ловко вертела ручкой. Я посмотрела на свою и покраснела: моя самая обычная ручка была погрызена с конца и чуть подтекала. Настя брезгливо подвинулась к своему краю парты, издали победило и гадко улыбнулась, опять подняла руку и ответила что-то про комаров.

«Вот так просто? Много листьев? Мама же учила: быть крайне внимательной и быстрой. Отвечать так, как будто выучила этюд и играешь на сцене. Отвечать четко, идеально. И почему у меня не такая ручка?» – думала я.

Еще тоненькое, стекло внутри меня стало расти в толщину. Так прошел первый класс.

Как я ждала тихий, но искренний танец

2 класс, 12 декабря

Наша учительница музыки Галина Ивановна пахла, как писали во всех отзывах на школу в интернете, хересом, но я его не чувствовала, потому что не знала, что такое херес. От Галины Ивановны пахло неудавшейся карьерой, усталостью от детей и да, алкоголизмом. Но только не из-за запаха алкоголя, а из-за запаха болота, в котором Галина Ивановна варилась вперемешку с социальной работой.

«Дорогие дети, не берите в рот это... Хм-м... Нехорошее зелье», – учила нас Галина Ивановна на уроке музыки вместо песен про школу. Школьный план есть школьный план: неважно, что ты принимаешь внутрь между уроками. Дали сверху задание рассказать про вред алкоголя – будь добра, рассказывай.

Класс тихонько гоготал. Галина Ивановна делала вид, что не понимала смеха, и бросалась доказывать точку зрения не свою, но школы, на примере алкаша дяди Андрея, который пил у пятиэтажки напротив.

Дядя Андрей с детьми всегда был добр и иногда даже плакал, когда рассказывал о первой своей любви Тамаре, с которой сидел рядом на уроках немецкого в нашей же школе. Но и от него болотом пахло не так сильно, как от Галины Ивановны: дядя Андрей был открыт и честен, а вот учительницам надо было шифроваться и не показывать себя обычными женщинами.

Ты государственный работник? Государственный работник. Тогда прячь, зашивай себя наживую, укрывай дыру внутри стенгазетами и просвещай молодые умы.

После лекции об ужасах этилового спирта Галина Ивановна несколько раз постучала по проигрывателю и таки включила нам «Вальс цветов» Чайковского, самое мое любимое у него.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.